
Д. А. КУЗНЕЦОВ, М. А. МАКСИМОВ

КОЛЛЕКТИВНЫЙ СУБЪЕКТ АНТИКОНСЬЮМЕРИЗМА: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

В статье делается попытка проанализировать возможности и препятствия для формирования коллективного субъекта антиконсюмеризма. Прослеживается эволюция дискурса о субъекте протестного движения от марксистского до постмарксистского понимания. Осуществляется анализ антиконсюмеристских тенденций с позиций поздней современности. Указываются принципиальные различия в подходах к антиконсюмеризму на западе и в незападных странах. Фиксируются некоторые противоречия в процессе формирования коллективного субъекта общественного движения при фокусировании его усилий на консюмеристской, потребительской стороне общественной жизни.

Ключевые слова: антиконсюмеризм, протест, потребительство, субъект.

На рубеже XX–XXI вв. происходит ускоренный процесс слияния различных экономических, политических и культурных структур в глобальную систему. В мире формируется единая система стандартов, где глобальный капитал становится доминирующей силой социокультурной жизни. Рыночный механизм все больше обретает свободу от государственного регулирования, и применение неолиберальных методов в управлении неизбежно привело к резкому росту социальных конфликтов. По всей видимости, ряд данных конфликтов напрямую связан с ориентацией определенных участников мирового сообщества на потребительский образ жизни, или потребительство (консюмеризм). Этой ориентации противостоят тенденции (как локального, так и наднационального характера) антиконсюмеризма.

Понятие «антиконсюмеризм» не имеет строгого определения. Под ним можно понимать различные процессы общественного раз-

Философия и общество, № 2, апрель – июнь 2013 100–119

вития, формы протеста, мировоззренческую позицию. Это и личный отказ от материальных ценностей (аскетизм), и бережное потребление («custodian consumption»), и добровольный упрощенный стиль жизни («voluntary simplicity lifestyle»), и политический механизм («political consumerism»), общественное движение (например, экологическое – «green consumerism»).

Антиконсьюмеризм имеет различный смысл в западных и незападных обществах. Без понимания этого различия невозможно полно выстраивать концепцию антиконсьюмеризма. В настоящий момент в западных обществах антиконсьюмеризм – это скорее позиция, но даже если и движение, то такое, которое имеет целью перестроить социальный порядок. В незападных обществах антиконсьюмеризм – это движение прежде всего против западного консьюмеризма, стремящееся сохранить имеющийся социальный порядок.

В западном обществе существует не только антиконсьюмеризм, но и движение потребителей. Само понятие «консьюмеризм» означает также движение за права потребителей. То, что называется антиконсьюмеризмом в незападном мире, было свойственно западным обществам в предыдущие исторические эпохи. Так, например, при борьбе колониальных штатов за независимость от Великобритании был объявлен бойкот на английские товары¹. Сегодня подобное противостояние разворачивается в нескольких плоскостях. Во-первых, это неоколониальное противостояние западных и незападных стран за независимость последних. Во-вторых, это противоборство незападных обществ определенной потребительской идеологии и потребительской культуры, которая «мягко» распространяется как в западных, так и в незападных странах.

Возникает ряд логичных вопросов: какой может быть социальная база данного явления; насколько значимым оно видится в существующей классовой структуре мирового капиталистического сообщества; можно ли всерьез говорить о коллективном субъекте антиконсьюмеризма?

---

¹ Stearns P. Consumerism in World History: The Global Transformation of Desire. – Wiltshire, 2006. – P. 43.

Эволюция дискурса о субъекте современного протестного движения

Поскольку антиконсюмеризм относится к явлениям современного социального протеста, становится необходимым проследить эволюцию представлений о субъекте протестной деятельности. Осознавая тот факт, что в ходе исторического развития возникало множество протестных движений, представлявших собой различные формы гражданской активности, мы предлагаем, тем не менее, условную схему теоретического конструирования современного субъекта протестного движения. Данная схема, напрямую связанная с возникновением понятия «антиконсюмеризм», будет представлена нами в виде структурных этапов.

1. Несмотря на произошедшие европейские революции, считается, что проблемы современного протестного движения были наиболее четко сформулированы в концепции К. Маркса и Ф. Энгельса. В марксизме была задана основная логика протестного движения – снятие классовых противоречий. Для второй половины XIX в. эта задача виделась как ликвидация эксплуатации пролетариата буржуазией. Можно сказать, что в своих концепциях К. Маркс выступил с критикой так называемого «буржуазного» субъекта как идеологического воплощения новоевропейского индивида. И Маркс, признавая прогрессивную роль буржуазной революции, говорит одновременно об ограниченности представителя буржуазии, который утверждает свое господство в современном ему обществе. Причем господство утверждает класс буржуазии, а ему противостоит другой коллективный субъект – пролетариат. Буржуазия и пролетариат выступают разными сторонами антагонизма: первая являет собой консервативную сторону, так как стремится сохранить противоречие, второй же выступает разрушительной стороной антагонизма, так как несет действие, направленное на упразднение («снятие») и противоречия, и себя самого. Пролетариат как «класс в себе» трансформируется в ходе революционной борьбы в «класс для себя». Подобная трансформация подразумевает ряд шагов, ряд периодов: обобществление средств производства, завоевание пролетариатом демократии, установление диктатуры пролетариата, причем эта диктатура сама составляет лишь переход к «уничтожению всяких классов». В ходе революционного развития общества эти ме-

роприятия «перерастают самих себя и неизбежны как средство для переворота во всем способе производства»². Таким образом, переходные периоды не являются самодостаточными и предполагают собой трансформацию системы прежних капиталистических отношений и необходимое становление ассоциации, «в которой свободное развитие каждого является условием свободного развития всех»³. Пролетариат как субъект революционной деятельности творит историю (под воздействием объективно данных материальных условий) и борется за продвижение к новым общественным отношениям.

2. Социально-экономические и политические потрясения 1910–1920-х гг. привели к трансформации концепции революционного субъекта. В работах левых теоретиков наметился переход к так называемому «неомарксизму» (Д. Лукач, А. Грамши), к попыткам представить данное учение во всей его философской глубине⁴. Между тем с 30-х гг. XX в. получают широкое распространение идеи теоретиков *Франкфуртской школы* (Т. Адорно, М. Хоркхаймер, В. Беньямин, Г. Маркузе, Э. Фромм и др.). Данная школа характеризовалась в некоторой степени деполитизацией марксизма (например, дистанцирование ее теоретиков от партийного аппарата); например, в работе Т. Адорно «Негативная диалектика» ярко выразилась тенденция левой стратегии того времени – увеличение разрыва между критическими разработками леворадикальных ученых и «реальным» развитием рабочего класса, ранее претендовавшего на революционное преобразование.

Маркузе сформулировал следующее предположение: рабочий класс середины XX в. не способен избавить себя от отношений эксплуатации, «борьба угнетенных всегда заканчивалась установлением новой ”улучшенной” формы господства»⁵. Пролетариат благополучно вписан во взаимосвязанные системы производства

---

² Первая программа Союза коммунистов. «Манифест коммунистической партии» в контексте истории / под ред. Г. А. Багатурия, Д. В. Джохадзе. – М.: ВИУ, 2007. – С. 72.

³ Там же. – С. 74.

⁴ Так, в своей книге «История и классовое сознание», вышедшей в 1923 г., Дёрдь Лукач осуществил анализ проблем отчуждения и овеществления посредством синтеза социальной философии марксизма и ряда положений «буржуазных мыслителей»: рационализация (М. Вебер), трагедия культуры (Г. Зиммель) и др.

⁵ Маркузе Г. Эрос и цивилизация. – М., 2003. – С. 99.

и потребления. Он коррумпирован буржуазной системой и подчиняется манипуляциям, рекламе, навязанным потребностям и чужим желаниям – становится «одномерным человеком»⁶. Поэтому Маркузе провозглашал новым революционным принципом *Великий отказ*, а субъектом этого «отказа» называл студенческую молодежь. По его мнению, студент, хотя и является социализированной личностью, еще не включен в систему производства и способен коренным образом преобразовать капиталистическую систему. В свою очередь, Э. Фромм больше рассуждал о процессе развития новых форм общественных отношений через различные механизмы самоорганизации. В таком случае «антиконсюмеристской» деятельностью является деятельность спонтанная – «единственно реально существующий способ, благодаря которому человек может преодолеть чувство страха перед одиночеством, не разрушая при этом целостность своей личности»⁷. Как известно, для Фромма первостепенную роль играет «надежда» как состояние бытия, как еще не растроченная внутренняя активность, причем понятая как широкое участие в демократическом процессе, как развитие самоуправления.

Безусловно, идеи Г. Маркузе и Э. Фромма приобрели свое особое звучание в условиях бунта «новых левых», в условиях кризиса позднекапиталистического общества. Бунтующая молодежь в позитивном смысле восприняла радикализм данных идей и подготовила последующую трансформацию общественного сознания. Однако сконструированный «новый мир» оказался намного сложнее и противоречивее. На смену леворадикальным взглядам 1960-х гг. пришли неоконсервативные воззрения, молодежно-бунтарский

---

⁶ См.: Маркузе Г. Одномерный человек. – М., 2003. Отметим, что идеи Маркузе сформировались как некий «ответ» на процесс вырождения «традиционных» левых партий, на неспособность последних сформировать новые формы общественных отношений, альтернативные капиталистическим. Политические действия «классических левых» привели к институциональным изменениям, но не к трансформации общественного сознания. Однако, по мнению идеологов формирующегося в 1960-е гг. движения «новых левых», капиталистическая система открывала новые возможности для ее «преодоления», для дальнейшего возвышения человека над собственной деятельностью, развития его сущностных характеристик. Путь реализации данных возможностей виделся не как «институциональный», а как отказ от ценностей буржуазного общества и развитие новых потребностей и инстинктов посредством «революции сознания».

⁷ Фромм Э. Бегство от свободы. – Минск, 2003. – С. 333.

стиль превратился в моду, радикализм обрел развлекательную функцию. Оказалось, что контркультурный протест вполне соответствует требованиям, которые предъявляет производственной сфере современный капиталистический рынок. Создание продукта, отличающегося от остальных, приводит к повышению потребительских стандартов в обществе. И *человек бунтующий*, особенно равнодушный к собственному стилю, отдает себя во власть «культу новизны». Пренебрегая любыми границами своей индивидуальной деятельности, «человек бунтующий» погружается в состояние нигилизма и самоотрицания. Идеи и принципы «культурного противостояния» все больше сливаются с принципами современной коммерческой рекламы⁸. Различные радикальные акты, нередко сводящиеся к развлечению, постепенно заменяют стремление к справедливости в распределении благ. Но трансформация ценностных ориентаций, как мы считаем, вряд ли может воплощаться в форме «карнавального веселья». Нетрудно заметить, что «избыточное разнообразие» контркультурных форм протеста приводит не к изменению современной социокультурной среды, а лишь к отвержению решений комплекса социальных проблем.

3. Становление на Западе общества потребления во второй половине XX в. было вызвано существенным изменением формы общественного воспроизводства. Как справедливо отмечают в своей работе «Множество» А. Негри и М. Хардт, безудержная ориентация на индивидуализм ставит под угрозу возможную солидарность в принятии решений, сводит к минимуму воспроизводство необходимых сфер общественного бытия: культурных общин (средства коммуникации и образование), общин внешней и внутренней природы (экология и биогенетика). Провозгласить в качестве субъекта социальных движений «множество» еще не означает выработать общее основание, на котором будет осуществляться сложение общественных сил. К тому же надо установить какую-то связь между множествами. И если эта связь будет состоять только в эмансипации, взаимном выравнивании, то в обществе неизменно будут возрастать тенденции текучей, поздней, неопределенной современности. Замена молчаливого большинства системой кричащих вразно-

---

⁸ См.: Хиз Дж., Поттер Э. Бунт на продажу. – М., 2007.

бой множеств не приведет к цельности, а усилит тенденции неопределенности, размытости, риска. Отсутствие связи между множествами будет означать отчуждение множеств друг от друга. В массовом обществе они станут просто аналогом отчужденных друг от друга индивидов. Рядом с проблемой эмансипации множеств возникает и проблема иерархии⁹. Появляются прогнозы, что в результате научно-технической революции в ближайшем будущем человечеству понадобится не более 20 % имеющейся рабочей силы. Человек оказывается за пределами производства, но продолжает стимулировать его развитие в качестве потребителя.

Начиная с 70-х гг. XX в. теоретиками обсуждается вопрос о *субъекте без субъектности* (субъекте, лишенном субстанциональных свойств). Интересную интерпретацию этого соотношения производства/потребления предложили в своей работе «Анти-Эдип» Ж. Делёз и Ф. Гваттари¹⁰. Центральным пунктом их социальной теории становятся «желающие машины», образованные путем механического соединения человеческих и нечеловеческих частей, без различия между ними. Авторы полагали, что новой революционной практикой должен стать «шизоанализ» – «деиндивидуализирование» человека посредством различных рекомбинаций. В ситуации, когда желание «преобразовать социальную систему» разорвало свою связь с реальностью и трансформировалось в желание «сказать что-либо», Ж. Делёз и Ф. Гваттари говорили о неспособности организовать движение антиконсюмеризма. По их мнению, можно лишь способствовать дальнейшему разъединению социальных структур, которое в конечном итоге должно привести к преодолению капитализмом самого себя.

В действительности же невозможно так просто преодолеть субъектность. На самом деле, капиталистической системе больше подвластно гиперболизирование субъектности, чем ее уничтожение. Это привело, по словам З. Баумана, к ложной индивидуализации. Ж. Делёз и Ф. Гваттари считали бессубъектность препятствием для организации антиконсюмеризма, однако понимали они ее

---

⁹ См.: Барбарук Ю. В. Социальная теория и политические стратегии постмарксизма. – М., 2011.

¹⁰ См.: Делёз Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: капитализм и шизофрения. – Екатеринбург, 2007. – С. 13–33.

только в индивидуальном плане. Более вероятно, что антиконсьюмеризм невозможен по причине коллективной, а не индивидуальной бессубъектности.

4. В связи с развитием классовой структуры в конце XX в. большую значимость приобрело «движение за глобальную справедливость», *движение альтерглобализации*. Возникла возможность создания массивного общественно-политического движения с высоким уровнем самосознания. Этот коллективный субъект стал некой совокупностью прежних субъектов данной деятельности: рабочего класса (индустриальных и постиндустриальных наемных рабочих), студенческой молодежи, интеллектуалов, представителей свободного творческого труда. Развитию движения способствуют современные сетевые технологии, создающие возможность децентрализации и равноправия всех участников сети независимо от их роли, масштаба, ресурсов. Среди ряда проблем, обсуждаемых в рамках этого движения, можно отдельно остановиться на двух, первая из которых – экологическая. Здесь возникает экологическое основание для антиконсьюмеристского протеста, консьюмеризм связывается с негативным влиянием на окружающую среду¹¹. Загрязнения, производимые странами с высоким уровнем потребления, в первую очередь происходили по вине США. Р. Роббинс и В. Шива критикуют обильное потребление с позиции глобального капитала. Они говорят о том, что фактически перепотребление в развитых странах ложится на плечи стран третьего мира. В. Шива в своей книге «Украденный урожай» говорит не только об эксплуатации окружающей среды. Консьюмеризм влияет отрицательно как на природу, так и на здоровье людей. Что касается загрязнения окружающей среды, то это «бремя вынуждены нести бедные страны»¹². Этот механизм получил название *экспортирование загрязнения*. Престижное потребление на Западе будет, вероятно, и дальше сопряжено одновременно с эксплуатацией и недопотреблением в среде «подчиненных» стран.

Второй и более значимой проблемой выступает объективное существование мирового неравенства. В фокусе оказывается не

---

¹¹ Stearns P. Op. cit. – P. 144.

¹² Shah A. Effects of Consumerism. – 2005 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.global-issues.org/article/238/effects-of-consumerism>

проблема эксплуатации одним классом другого в рамках одного общества, а проблема эксплуатации развитыми странами – неразвитых. Новое протестное движение видит своей целью ликвидацию этой эксплуатации. Но тем не менее развитие «альтерглобалистского» протеста протекает в переходных формах, в рамках отчужденных социальных механизмов. На первый план выходит противоречие между социальным творчеством уникальных субъектов альтерглобализма и единым процессом согласованной деятельности. Также остается важным вопрос: насколько данное движение разделяет и усваивает ценности антиконсюмеризма?

5. В начале XXI в. становится актуальным творческое наследие А. Грамши, который сформулировал проблему политико-культурной гегемонии. Установление гегемонии непосредственно связано с антагонистической борьбой за придание конкретным коллективным субъектам руководящей роли. Сам субъект протестного движения, с точки зрения Грамши, обязан сохранять свою плюралистичность, что способствует развитию политической инаковости в рамках социальной системы. Используя теоретические разработки Грамши, ряд авторов (Э. Лаклау, Ш. Муфф, А. Бадью, И. Мессарош и др.), принадлежащих к *постмарксистскому* направлению, обсуждают возможность нахождения и развития коммуникативных механизмов, обеспечивающих солидарность интересов различных индивидов. Поднимается вопрос о становлении противоречивой системы политико-культурных отношений, где не установлен жестко статус-кво, а растет взаимодействие социальных оппонентов. Внутри данной системы должен происходить поиск новых диалогичных форм между участниками и ведется постоянная борьба за интеллектуальное лидерство. Именно в борьбе индивидов за лидерство и создаются новые социальные группы, экономики и культуры.

Но если посредством деятельности индивидов осуществляется политическая легитимация тех или иных форм устройства общественных институтов, это еще не означает, что данные институты обрели свою однозначность. Постоянная легитимация нарушает устойчивость социальной системы, при этом все участники политической деятельности имеют возможность самоопределяться¹³.

---

¹³ См.: Грамши А. Тюремные тетради. – М., 1991.

Исходя из этого можно утверждать, что субъекту антиконсюмеризма необходима ориентация на универсальное измерение разума, а не на частные характеристики социума. Еще И. Кант отмечал, что единичный субъект обязан миновать посредничество частного и «подключиться» к универсальному¹⁴. Действуя в публичном (в нашем случае – политико-культурном) пространстве, субъект антиконсюмеризма получает шанс выйти в измерение освобождающей универсальности, выйти за границы своего места в конкретном социальном порядке. Но если конфликты признаются существующими и непреходящими, то тогда еще нужно определить их специфическую форму, которая позволяла бы не разрушаться конкретному политическому сообществу. Поэтому антагонизм «друг – враг» (ведущий, по мысли К. Шмитта, к уничтожению, истреблению, ликвидации одной из сторон конфликта) следует заменить «агонизмом» противников, *агонистической конфронтацией* (Ш. Муфф). «Агонизм» становится таким отношением «мы – они», при котором «конфликтующие стороны согласны в том, что рационального решения их конфликта не существует, в то же время каждая из сторон признает легитимность оппонента»¹⁵. Тем самым в пространстве модуса «агонизма» сфера человеческой жизнедеятельности способна перестать быть сферой конкуренции за обладание властью, в этой сфере начинают постоянно происходить процессы коренной трансформации отношений «господства», опровержения власти и преодоление господствующей гегемонии. Но, может быть, критики общества потребления обрушиваются на консюмеризм только в тех сферах, где он не существует в буквальном смысле?

В дополнение к этому можно сформулировать внутреннее противоречие в организации коллективного субъекта в постмарксистской мысли: если собрать маргинальные слои в единую силу, они перестанут быть маргиналами. Исчезнет основание, благодаря которому они были собраны. Стимулирование же конфликтов на основе различных «образов жизни» участников протеста может при-

---

¹⁴ Схожую проблематику мы можем найти и у Гегеля – все материальное является единичным, конечным, несамодостаточным, и только «универсальность» способна объяснить связь всего со всем и прекратить игру неразумных случайностей.

¹⁵ Муфф Ш. Политика и политическое // Политико-философский ежегодник / отв. ред. И. К. Пантин. – Вып. 1. – М., 2008. – С. 98.

вести к деструктивной деятельности и разрушению социального порядка без предложения каких-либо альтернатив. Исходя из вышесказанного, становится необходимым дальнейшее прояснение возможных путей развития антиконсьюмеристского протеста как в западных, так и в незападных странах.

Поиски вариантов развития антиконсьюмеристского протеста в нынешнюю эпоху

Итак, в нынешнюю эпоху форма материальной жизни западного человека претерпевает сложную социальную трансформацию. Создается впечатление, что перестроить жизнь отдельного человека, который коллективен по природе, недостаточно. Нужно создать некий классовый субъект потребления, то есть класс, который бы ощущал себя таковым через участие в потреблении, а не через участие в производстве или управлении. На ценностном уровне этот класс разделяет потребительские ценности, следует идеалам потребительской культуры. Таким классом на Западе, по всей видимости, стала новая мелкая буржуазия. Производственные отношения ее членов уже проистекают из воспринятых потребительских форм материальной жизни, образцы которой они почерпнули из идеологии потребления.

Классовый субъект потребления – это некий синтез, развивающийся по диалектическому контуру от коллективного субъекта потребления, через его отрицание в пользу индивидуального субъекта потребления. А затем он как бы группируется заново, но уже на классовой, а не на семейной основе.

Как пишет известный социолог У. Бек, «деньги по-новому смешивают социальные группы и в то же время размывают их контуры в обществе массового потребления»¹⁶. Неодинаковые стили потребления проявляются не только в атрибутивной, досуговой или телесной частях потребления, но и в дифференциации индивидуальных ситуаций в сферах социальной мобильности, образования и трудовой занятости¹⁷. Подъем общего образовательного уровня и значительный рост высшего образования среди женщин вызвал полномасштабное использование высшего образования в произ-

---

¹⁶ Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. – М., 2000. – С. 116.

¹⁷ Там же. – С. 115.

водстве. При этом гораздо больших масштабов достигли и тенденции массовой безработицы. Резко возросло количество рабочих, трудящихся неполный день и/или по гибкому графику. В сочетании с возросшим материальным благополучием западных обществ увеличившееся время досуга привело к чрезмерному увлечению потребительством и еще большему размытию подвижной социальной среды. На фоне формальных общественных гарантий и относительно высокого материального уровня жизни, но с учетом многочисленных образовательных и трудовых рисков в обществе повсеместно возникает проблема «индивидуализирующего “игольного ушка”¹⁸». Система потребления видоизменяется под действием совокупности возросших общественных рисков таким образом, что иерархию фиксированных, внушаемых СМИ потребностей дополняет «самовоспроизводящийся риск». Человек в позднесовременном обществе Запада образован и материально обеспечен, но он постоянно испытывает страх перед общественной неопределенностью.

Связано это с тем, что нынешняя эпоха характеризуется производством рисков и распространением знаний о них через медиа. Потребитель на Западе не имеет права на спокойное существование, поскольку кроме бесконечно растущего разнообразия предметов потребления на него действуют внешние тревоги и неопределенности дальнейшей судьбы. Его обязанность отныне – приобретать что-либо сегодня, поскольку завтра у него просто может не стать для этого материальных средств, здоровья, времени, сил. «Избыток рисков оставляет далеко позади избыток богатств»¹⁹.

В состоянии ценностно-мировоззренческой паники и предельной раздробленности общество вынуждено считаться только с четко санкционированными системами вещей. Результатом сложной противоречивой механики рисков является выделение особого «среднического» слоя общества, занятого распространением продуктов «символического производства» слоя интеллектуалов. Это слой новой мелкой буржуазии, взаимоотношения которой с интеллектуалами раскрывают основы стимулирования спроса на стили-

---

¹⁸ Бек У. Указ. соч. – С. 117.

¹⁹ Там же. – С. 69.

зацию жизни²⁰. Новая мелкая буржуазия фактически представляет собой слой менеджеров, руководителей маленьких отделов, офисных работников, всевозможных помощников и ассистентов. «Новизна» для данного слоя выражается, с одной стороны, инвестированием в культурный и образовательный капитал, с другой стороны, мобильностью в социальном пространстве, «уничтожением расчетливого аскетизма» и последующим принятием «гедонистических норм потребления».

Стиль жизни новой мелкой буржуазии на Западе можно считать синонимом западного потребительского стиля жизни. То есть этот слой является носителем ценностей и материальных форм жизни потребительского стиля. А потребительский стиль жизни эмпирически принят по большей части среди представителей новой мелкой буржуазии. Он является своеобразной редукцией образа жизни праздного класса, произошедшей как бы вследствие недостатка финансовых средств и качественного образования. Это заниженные «по стилю» стандарты демонстративного потребления элиты.

Этот стиль жизни включает ряд аспектов. Первый проявляется в постоянном наблюдении за собственным телом. Здесь постулируется необходимость привлекательности тела, которая достигается перманентным корректированием своего внешнего вида. В этом процессе легко угадывается логика диктатуры моды, которая распространяется на такие объекты потребления, как здоровая еда, косметика, спорт (фитнес).

Второй аспект – это адаптация экономических инвестиций к культуре. Важным в этом процессе является поиск способов приобретения как экономического, так и культурного капитала. Еще один аспект – это эффект новой этики, которая направлена на популяризацию стиля жизни. Это поверхностное заимствование идеалов свободы интеллектуалов, которое включает в себя «борьбу с запретами» и «ликвидацию комплексов». Ликвидация комплексов означает утрату нравственных идеалов, падение морального уровня. В результате этого процесса на Западе возникает совершенный или завершенный потребитель (perfect consumer)²¹. Совершенный

---

²⁰ Featherstone M. *Consumer Culture and Postmodernism*. – London, 2007. – P. 88.

²¹ Ibid.

потребитель является предельной степенью при воспроизводстве человеком себя в качестве потребителя. Он утрачивает нравственный стержень, ценностные ориентиры. Для него первостепенную роль играют биологические инстинкты, облеченные в формы потребительской культуры. Благодаря такому потребителю создается иллюзия участия в культуре. Совершенный потребитель в значительной степени соотносит свои интересы с интересами своего тела. Для него первостепенную роль начинают играть биологические инстинкты. Но благодаря содержанию потребительского дискурса он воспринимает реализацию этих инстинктов в качестве акта культуры.

Еще одним аспектом является абсолютизация стиля жизни как такового. Следствием этого чрезвычайного внимания к стилю жизни является посредническая миссия новой мелкой буржуазии в распространении идей интеллектуалов в широких слоях общества при обманчивой самоидентификации с ними. Такого рода «культурное предпринимательство» приводит к интеллектуализации популярных сфер: музыки, стиля, дизайна, спорта, досуга.

Итак, в нынешнюю эпоху новое подобие класса формируется на основе потребительских ценностей. Если пролетариат нуждался в материальных благах, то у нового «класса» потребителей (новая мелкая буржуазия) существует избыток материальных благ. Как и почему, в таком случае, они будут участвовать в антиконсюмеристском движении? Ведь они образуются как класс именно в качестве потребителей, принимая и разделяя потребительские ценности. *Если они выступают против консюмеризма, они разрушатся как класс.* Между тем в обществе потребления самым действенным способом мог бы выступить именно антиконсюмеристский протест. Это противоречие и является основной дилеммой в первую очередь для обществ Запада, но также и для незападных обществ, где уже в достаточной степени распространена идеология потребления.

В незападных обществах более остро воспринимают различие культур, более живо реагируют на попытку включить западные послы в культурный дискурс незападного общества. Но менее остро, чем на Западе, реагируют на неравенство, обосновывая его с различных позиций. Незападный антиконсюмеризм имеет це-

лю, как правило, сохранить существующий социальный порядок. А в западном – практически не остается внутренних, субкультурных сил для обретения подлинной коллективности. Антиконсюмеризм в незападных странах – это прежде всего отказ от элементов идеологии потребления, имеющей западное происхождение. При этом отказ от идеологии потребления не означает отказ от благосостояния, по крайней мере на коллективном уровне. Антиконсюмеризм может быть понят как отказ от каких-либо аспектов материального. В духовных традициях такая практика называется аскезой. Австралийская исследовательница потребления Хелен Шерье фиксирует, что гигантский разрыв между консюмеризмом и отказом от материального можно преодолеть. Ее позиция заключается в концепции бережного или охранительного потребления (*custodious consumption*). Дело в том, что в консюмеризме она выделяет как главную черту не избыточность потребления (сверхнеобходимое), а потребительское ускоренное устаревание вещи. В связи с этим она предполагает, что охранительное потребление будет противостоять ложной новизне потребительства²². Или уже совсем кратко: «Сохранять старое вместо приобретения нового». Х. Шерье делает смелую попытку диалектически снять противоречие между потребительством и аскезой и использовать материальное как форму протеста против консюмеристской идеологии. Под бережным, охранительным потреблением понимается не только сохранение вещей, но и их коллекционирование, упорядочивание по определенному принципу, который также можно противопоставить более простому наслаждению индивидуального потребителя от постоянного отбрасывания недавно приобретенных вещей.

Собственно, главной антиконсюмеристской проблемой Х. Шерье называет невозможность выразить антиконсюмеристские ценности при простом отказе от покупок. И так, индивидуальный потребитель может, конечно, в личностном плане следовать какой-либо аскезе, основанной на духовной традиции (христианской, исламской, буддистской, джайнской и др.) или на научном знании. Может он принять и идею бережного потребления. Но в этом случае (и здесь открывается уязвимость, слабость только личностного из-

²² Cherrier H. Custodian Behavior: A Material Expression of Anti-consumerism // *Consumption, Market & Culture*. – 2010. – № 3. – P. 260.

мерения антиконсьюмеризма) он не может выразить свою позицию, поскольку его действия как бы не складываются ни с чьими другими в коллективную силу. Он как бы оказывается за пределами системы потребления и игнорируется ею. Можно сказать, что если количество таких людей возрастет, то не будет и необходимости в том, чтобы выражать антиконсьюмеристские ценности. Это действительно так, только с той оговоркой, что идеология потребления продолжает выражать потребительские ценности в большом масштабе и этому нужно что-то противопоставить.

В своей статье исследователи университета имени Бен-Гуриона (Израиль) О. Шамир и Г. Бен-Порат ставят очень интересную проблему, анализируя переплетение двух понятий: религиозный консьюмеризм и политический консьюмеризм. Можно сделать вывод о высокой степени религиозности израильского общества, поскольку потребительская культура входит в противоречие прежде всего с религиозным укладом, а не с художественной культурой. Интересным является и тезис о том, что «религиозная общественность использует бойкот». Для современного западного общества существует только светская общественность, а религиозный антиконсьюмеризм остается на индивидуальном уровне. В Израиле же религиозный характер общественности позволяет реагировать коллективно на такое современное явление, как консьюмеризм. Итак, коллективный субъект антиконсьюмеризма складывается на религиозной основе, а задача политики состоит только в том, чтобы направить эти усилия против нежелательного «культурного» воздействия извне глобальной потребительской культуры и идеологии потребления. Впрочем, на Западе идеология «потребительства» также приобретает своеобразный религиозный оттенок. «Новые капиталисты» приобщаются к социокультурному пространству именно в качестве потребителей, принимая и разделяя потребительские ценности²³. Представители новой мелкой буржуазии скорее будут отстаивать свое право на избыточное потребление, чем выступят против него. Они слишком много вкладывают в свой престижный образ жизни, чтобы отказываться от него и ограничивать консьюмеристские устремления. К тому же сложность состоит

---

²³ Featherstone M. Op. cit. – P. 87.

в том, что новая мелкая буржуазия воспринимает собственный консьюмеризм как результат свободного выбора, а не как следование интересам системы капиталистического производства.

По всей видимости, одной из определяющих нынешней эпохи будет являться «сосуществование универсальности модернизации и особых жизненных миров» (С. Жижек). В западных обществах эта черта проявляется в том факте, что работники в сфере высоких технологий выбирают религиозную ориентацию как потребляемый «стиль жизни». Глобальная система капитализма способна благодаря мультикультуралистической направленности включить в свое экономическое пространство без особых помех различного рода ритуалы и обряды традиционных культур²⁴. В современной капиталистической системе происходит неизбежная «товаризация жизненного опыта» – мы приобретаем под видом материальных предметов опыт принадлежности к определенному образу жизни; «мы уже не приобретаем товары, в конечном счете, мы приобретаем время своей жизни»²⁵. И поскольку опыт не является чисто материальным явлением, то и сама социальная реальность (и в западных, и в западных обществах) становится призрачной, «растворяется в воздухе». Сам «опыт протеста» как стиля жизни становится своеобразной мировоззренческой установкой, приобретенной в рыночном пространстве, что делает очень проблематичным построение полноценных альтернатив капиталистической экспансии.

Кроме того, не являются ли «религиозное», «социальное», «политическое» различными означающими (согласно Ж. Лакану), которые борются за право называться господствующим означающим, но при этом их разделяет пропасть в виде *аморфного* субъекта антиконсьюмеризма?

Недавний рост протестных настроений по всему миру – от «арабской весны» до акций «Оккупируй Уолл-стрит» – может создать иллюзию создания «единого фронта» сопротивления против мировой капиталистической системы. Возможно, ряд акций протеста действительно носит характер выступлений за социальную

---

²⁴ Кстати, современный мультикультурализм часто выступает не в форме диалога культур, а воплощается в юридическом пренебрежении друг другом или ненависти (например, сфера миграционной политики).

²⁵ Жижек С. Размышления в красном цвете. – М., 2011. – С. 384.

справедливость на глобальном уровне, но при этом каждый процесс борьбы людей за свои права следует рассматривать отдельно. Впрочем, если протестные организации в нестабильных обществах выберут вариант обособления в форме поиска идентичности собственного публичного пространства, то это может повлечь за собой постепенную дезинтеграцию социально-политической жизни в ее универсальном понимании. Кроме того, остается актуальной опасность увеличения числа военных конфликтов и других архаичных способов разрешения противоречий между странами, борющимися за престижное место на арене мировой экономики.

В любом случае, антиконсюмеристская деятельность должна отразиться в событиях, где «универсальность становится политической категорией» (С. Жижек). Не исключено, что тогда данная деятельность примет характер «общечеловеческих ценностей», выходящих за рамки конкретной культуры. Тем самым будет использован шанс обратиться к универсальному моральному чувству (Бак-Морс), будут кардинально изменены методы функционирования мировой капиталистической системы. Несомненно, в этом случае одной из основных целей человеческой деятельности становится развитие сознания для культурно значимых изменений, создание возможности перемен в условиях жизни подавляющего большинства. В такой ситуации обретает немалую продуктивность идея «плюрализма форм жизни», привлекая новые общественные группы к конструированию открытой социокультурной реальности. При этом не стоит излишне стимулировать рост различий и конфликтов между людьми, гораздо большего внимания заслуживает попытка найти новые и гибкие формы объединения индивидов и локальных сообществ, в том числе и в пространстве антиконсюмеристского протеста.

Подводя итог, необходимо сформулировать *ряд выводов*, подчеркивающих сложность такого явления, как антиконсюмеризм.

1. В онтологическом смысле существование антиконсюмеризма может пониматься как определенное противостояние потребительским ценностям и идеалам (и, собственно, предложение тех или иных альтернатив конкретным и жизненно важным механизмам капиталистической системы). Но остается фатальным характер различия между пониманием антиконсюмеризма в западных и незападных обществах. Классовые противоречия внутри одного

общества, заключающиеся в эксплуатации, теперь распространяются на глобальный уровень, и критика фокусируется на эксплуатации незападных стран западными. Внутренние протестные силы Запада оказываются почти исчерпанными – капитализм легитимизирован большинством населения Запада. А протестные движения (по крайней мере, антиконсьюмеристские) незападных обществ могут быть обращены против идеологии и действий развитых стран Запада, а не направлены против внутрисоциальных проблем своих обществ.

2. Проблему формирования коллективного субъекта антиконсьюмеризма следует представлять как сложный социально-политический процесс. Этот процесс представлен в марксистской традиции как переход от класса пролетариата второй половины XIX в. к новому подобию класса потребителей в начале XXI в. Несколько иная линия субъектности появляется в неомарксистской среде, когда коллективным субъектом является уже не класс, а социальная группа. Нами была прослежена данная эволюционная линия от студенческих движений до своеобразной предельной формы раздробленности в постмарксистской теории, где коллективный субъект формируется в плоскости маргинальных слоев общества.

3. В нынешнюю эпоху фрагментарность, неопределенность, подвижность социального бытия приводят к тому, что наиболее понятным критерием общественного статуса начинает выступать потребление. В западных обществах возникает новая мелкая буржуазия – особый класс, ориентированный на потребительские идеалы в своей повседневной деятельности. Но ее собственная классовая логика не позволяет сформировать коллективный субъект антиконсьюмеризма, поскольку этот новый класс сам выстраивается на принятии потребительских ценностей. В незападных же обществах коллективный субъект антиконсьюмеризма имеет предпосылки развития на религиозной основе, что не лишено своих противоречий (например, способность религиозных элит создать новую систему, основанную на справедливости и защите человеческих прав, а не «включиться» в мировую капиталистическую систему на более привилегированных условиях).

4. Сопrotивление социальной системе становится все более символическим, образным, театрализованным представлением,

усиливается нежелание выстраивать альтернативные подходы в социальной и политической жизни. Сам протест становится модным (преимущественно в западных обществах) или морально порицаемым (чаще в незападных обществах) «стилем жизни». Между тем в обыденной жизни участники социальных отношений в самых разных культурах сталкиваются с практически одинаковой рыночной логикой. Поэтому одной из насущных задач коллективного субъекта антиконсюмеризма, скорее всего, должно являться стремление влиять на повседневную работу людей. Если же процесс дистанцирования от реалий исторического развития будет продолжен, мир может столкнуться с новым витком глобального неосознанного насилия в эпоху поздней современности.